

Передней Азии насчитывает в общей сложности около 100 лет. Появившись здесь в последней четверти VIII в. до н.э. из страны Гамир, локализующейся к северу от Главного Кавказского хребта, киммерийцы принимали активное участие в событиях древневосточной истории, сталкиваясь здесь как с Ассирией и Урарту, так и со скифами. Противостояние этих двух группировок вполне очевидно и противоречит их отождествлению друг с другом. О реальности киммерийцев как этноса свидетельствуют также существование этнонима «киммерийцы» и археологические материалы, подтверждающие участие киммерийцев в переднеазиатских походах.

С.В. Махортых

CIMMERIANS AND THE ANCIENT EAST

S.V. Makhortykh

The article is devoted to the consideration of the written and archaeological sources having a bearing on the presence of the Cimmerians in the ancient East.

They stayed in the territory for about 100 years. Having arrived here in the last quarter of the 8th c. B.C. from the country of Gamir localized in the North Caucasus, this fearsome nomadic force took an active part in the events of ancient oriental history fighting Assyria and Urartu, as well as the Scythians. The confrontation of these two nomadic groupings is quite obvious and prevents their identification with each other. The existence of the ethnonym «Cimmerians» and the archaeological materials conforming the participation of the Cimmerians in the Near Eastern campaigns of the 8th – 7th c. B.C. testify to the reality of the Cimmerians as an ethnos. Only the use and analysis of various kinds of sources, in the first place written and archaeological ones, may bring us nearer to the solution of the Cimmerian problem in general and its ancient oriental aspect in particular.

© 1998 г.

СТЕПНЫЕ КОЧЕВНИКИ НА ВОСТОКЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ. НАХОДКИ И ПАМЯТНИКИ В СВЕТЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ*

Население восточной части Центральной Европы всегда поддерживало контакты со своими восточными соседями – кочевыми группами евразийских степей. Названия этих кочевников нам по большей части известны: это киммерийцы, скифы, сарматы, гунны, авары, мадьяры, монголы. Оставленные ими следы имеют самый разный характер. О большей части этих кочевых групп мы хорошо осведомлены благодаря письменным источникам. Так, нам точно известны направления и даты их вторжений. Это верно в первую очередь для монголов, мадьяр, авар, гуннов и сарматов. Гораздо меньше сооб-

* Статья представляет собой переработанный и дополненный вариант доклада, прочитанного в мае 1994 г. в Центре сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН. Поскольку изложенные в данной статье положения имеют важное методическое значение для исследования археологии кочевых народов в целом и их вторжений на соседние территории, редакция сочла целесообразным опубликовать ее в рамках дискуссии о киммерийцах. Ср. также более подробное изложение взглядов автора по данному кругу проблем: *Parzinger H. Vetersfelde – Mundolsheim – Aspres-les-Corps. Gedanken zu einem skythischen Fund im Lichte vergleichender Archäologie // Kulturen zwischen Ost und West / Festschrift G. Kossack. B., 1993. S. 203 ff.*

щают источники о скифах и киммерийцах, причем их свидетельства касаются прежде всего событий в Северном Причерноморье и Передней Азии, но не на востоке Центральной Европы. Тем большие надежды возлагались на то, что археология обнаружит новые источники, касающиеся отношений степняков и народов Центральной Европы в железном веке.

Казалось, что такой источник найден, когда 5 октября 1882 г. на поле возле Феттерсфельде в Нидерлаузице (ныне Виташково, воеводство Зелёна Гура в Польше) при пахоте были обнаружены золотые предметы. Вместе с этими великолепными предметами были найдены также черепки, которые свидетельствуют о том, что первоначально золотые вещи были помещены в глиняный сосуд. Этому факту, однако, сначала было уделено мало внимания: слишком впечатляющими оказались остальные находки.

Годом позже, в 1883 г., Адольф Фуртвенглер представил этот важный комплекс ученому миру¹. К тому времени он уже имел возможность ознакомиться в оригинале с богатыми скифскими находками, хранившимися в Санкт-Петербурге в Эрмитаже, что привело его к следующему выводу: речь идет о фрагментах парадного доспеха, который был изготовлен около 500 г. до н.э. в одной из греческих мастерских северо-понтийских колоний для скифского царя или вождя. Однако как попали эти предметы в Нидерлаузиц? На этот вопрос Фуртвенглер также нашел ясный ответ, который основывался на рассказе Геродота: когда персидский царь Дарий I выступил в поход против скифов, перейдя Нижний Дунай (514/3 г. до н.э., т.е. примерно время Феттерсфельде), те, избегая его, вероятно, стали отступать на север и северо-запад, к истокам Днестра и Буга, чтобы заманить Дария дальше в глубь страны. В таком случае отдельные скифские группы должны были достигать и Нидерлаузица и там затеряться. Однако письменные источники не сообщают нам, насколько далеко на северо-запад в действительности продвинулись скифы. Несмотря на это Фуртвенглер поставил находку в Феттерсфельде в прямую связь с этим рассказом Геродота. В то же время он не отважился решить вопрос о том, была ли она связана с остатками захоронения скифского вождя, погибшего при походе в Нидерлаузиц, или нет.

Прежде чем мы займемся подробным анализом феттерсфельдской и других скифских находок, стоит обратиться к более позднему времени, для которого также известны подобные странные включения кочевнических комплексов в чуждое средневропейское окружение. Поскольку исторические источники для более поздней эпохи несравненно богаче, можно выяснить, например, какие предпосылки в принципе должны существовать для того, чтобы можно было решиться предложить хотя бы до некоторой степени надежное толкование подобных находок, а также насколько разнообразными и сложными могут при этом быть возможности интерпретации.

Первый комплекс, который я хочу использовать для сопоставления, происходит из Мундольсхайма возле Страсбурга². Здесь также в 80-е годы прошлого столетия было открыто несколько погребений, одно из которых вызвало особый интерес исследователей. В нем обнаружено четыре обкладки из позолоченных серебряных пластин, две из них были треугольными, и две – бумерангоподобно изогнутыми. Их назначение оставалось неясным до тех пор, пока Иоахим Вернер не показал в 1956 г., что речь идет об обкладках кочевнического седла³. Кроме того, здесь же находились серебряные пряжки и кольца, позолоченное серебряное окончание ремня, чаша из зеленоватого стекла. Весь инвентарь типичен для первой половины V в. н.э. Проведенное И. Вернером картографирование подобных обкладок седел показывает, что они были распространены во всем евразийском степном регионе, включая и отдаленные

¹ Furtwängler A. Der Goldfund von Vettersfelde // Programm der Winckelmannsfeste der Archäologischen Gesellschaft. Berlin. 1883. 43. S. 3 ff.

² Forrer R. // Anzeiger der Elsässischen Altertumskunde. 1931/1932. 22/23. S. 42 ff.; Zeiß H. Ein hunnischer Fund aus dem Elsaß // Germania. 1933. 17. S. 127 f. Abb. 1.

³ Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches // Bayer. Akad. der Wiss. Phil.-hist. Kl. 1956. N.F. 38A. S. 50 ff.

восточные районы⁴. Аммиан Марцеллин и Иордан рассказывают о битве на Каталаунских полях и упоминают при этом, что гунны использовали деревянные седла. Область распространения подобных обкладок седел, как кажется, совпадает с территорией гуннской державы в первой половине V в. н.э. К тому же, очевидно, что помещение в погребение деревянного седла, даже если оно служило лишь погребальным приношением, было типичным кочевническим обычаем, засвидетельствованным позже у аваров и мадьяр. При этом деревянное седло всегда отмечало погребение высокого ранга, т.е. могилу выдающегося конного воина. Этот обычай, напротив, не был распространен в германском окружении гуннов. Таким образом, инвентарь из Мундольсхайма действительно принадлежит кочевническому погребению гуннского облика, что, впрочем, ничего не говорит об этнической принадлежности похороненного, поскольку гуннское войско, очевидно, состояло из этнически смешанных орд.

Гунны уже в раннее время играли важную роль в военных столкновениях, в которых решалась судьба Западной Римской империи. В 405 г. они помогли Стилихону в борьбе с германцами, вторгшимися в Северную Италию. Между 433 и 439 годами Аэций вновь неоднократно призывал гуннов на помощь, прежде всего против бургундов, которые в 405/6 г. продвинулись к Рейну, там были поселены как федераты, однако затем вознамерились распространиться далее на запад, что и привело к конфликту с Аэцием. В 437 г. бургунды были наголову разбиты гуннами, и это в литературной форме отразилось в эпосе о Нибелунгах. Комплекс Мундольсхайма может быть связан с этими событиями, что определяет его наиболее раннюю возможную датировку. В 451 г. Атила вновь совершает поход в Галлию с большим войском, сначала против вестготов и франков, а затем и самого Аэция. Хотя точная география этого похода неизвестна, однако есть сообщения, например, о захвате гуннами лотарингского города Мец в 451 г.⁵ Погребение в Мундольсхайме могло быть связано и с этими событиями. Следовательно, в этом случае археологические и исторические данные, видимо, подкрепляют друг друга.

В погребении еще более позднего времени, обнаруженном в 1885 г. в Аспр-ле-Кор в западной части французских Альп, это еще яснее. Погребение было подробно исследовано М. Шульце несколько лет назад⁶. Поскольку сами находки сейчас утрачены, при их анализе можно опираться только на описания и старые рисунки. Среди инвентаря обнаружена железная сабля с изогнутым клинком и выпуклым перекрестием, круглая пронизь с отверстиями, ромбовидные наконечники стрел и многочисленные монеты с отверстиями, нашитавшиеся на края одежды. Подобные сабли были широко распространены на Востоке, но прежде всего использовались мадьярами в IX–X вв. Ближайшие аналогии найденным здесь пронизям также имеются в Венгрии. На Венгрию указывает и погребальный обряд: скрещенные на груди руки и наискосок положенная на них сабля. В данном погребении, без сомнения, похоронен воин, происходящий из Венгрии. Однако как он попал во французские Альпы? Самая поздняя монета в погребении – денарий императора Беренгара I из Павии, правившего в 915–924 гг.; следовательно, погребение не могло быть совершено до 915 г. Вторжения венгров доставляли особенно много хлопот Центральной Европе между 899 и 955 годами. Им подвергалась прежде всего Северная Италия, однако с 906/7 г. все более также Южная Германия до Лотарингии и Нижней Саксонии, о чем исторические источники дают очень точную информацию. Однако во время какого из этих походов погиб воин из Аспр-ле-Кор? После убийства Беренгара, который был союзником венгров, они предприняли против его убийц карательную экспедицию в

⁴ Ibid. S. 50 ff. Taf. 71,5.

⁵ Thompson E.A. A History of Attila and the Huns. Oxf., 1948. P. 28 ff.

⁶ Roman J. Sépulture carolingienne découverte à Aspres-les-Corps (Hautes-Alpes) // Bulletin archéologique. 1886. P. 454–455; Schulze M. Das ungarische Kriegergrab von Aspres-les-Corps. Untersuchungen zu den Ungarneinfällen nach Mittel-, West- und Südeuropa (899–955 n. Chr.) // Jahrbuch der Römisch-Germanischen Zentral-Kommission Mainz. 1984. 31. S. 473 ff.

Южную Францию. В связи с этим сообщается о небольших стычках в альпийских горных долинах. Более чем вероятно, что воин из Аспр-ле-Кор погиб во время этих событий, поскольку археологические и исторические данные здесь слишком уж хорошо подходят друг к другу. Таким образом, в этом случае погребение можно связать даже с вполне определенным событием вполне определенного года.

Погребения из Мундольсхайма и Аспр-ле-Кор показывают, что состояние археологических и письменных источников должно быть в высшей степени удовлетворительным для правильной оценки связанных с кочевниками находок и соотношения их с историческими событиями. Однако, если обратиться к окружению, современному этим комплексам, станет ясно, что вторжения групп кочевых всадников оставляют по большей части лишь немногие заметные для археологии следы. Так, венгерские вторжения, которым в течение полустолетия подвергались значительные территории Центральной Европы, оставили лишь несколько отдельных находок⁷. Таким образом, если бы у нас не было столь подробной информации письменных источников о гуннах и мадьярах, мы бы, вероятно, не смогли на основании лишь археологических данных сделать столь далеко идущие выводы. На мой взгляд, можно пойти еще дальше и утверждать, что без письменных свидетельств мы не смогли бы доказать реальность походов конных кочевников. Некоторые могут расценить это утверждение как преувеличение (возможно, оно и является таковым) и указать, что погребения из Мундольсхайма и Аспр-ле-Кор в конечном итоге являются именно захоронениями конных кочевников. Однако даже и этот факт сам по себе значит немного.

В связи с этим я хотел бы привести еще один пример из раннесредневековой археологии, а именно погребение из Моос-Бургшталь в Баварии, которое подробно исследовала У. фон Фриден⁸. В состав инвентаря входил поясной набор середины VII в., происходящий из лангобардской Северной Италии, а также аварские стремена. Кроме того, антропологический анализ погребенного свидетельствует о его принадлежности к восточноевропейско-монголоидному населению. Мы знаем из письменных источников, что контингенты аварских всадников, а также отдельные аварские воины служили в лангобардском войске. Можно поэтому предположить, что погребенный из Моос-Бургшталь был аварским конным воином высокого ранга, который сначала служил в Северной Италии в лангобардских войсках, а затем перебрался в Баварию, чтобы наняться там на военную службу. Такая интерпретация представляется вполне вероятной, так как данное погребение было совершено в местном некрополе; кроме того, как мы знаем, авары никогда не совершали походы на территорию Южной Германии. Несмотря на то что этот памятник в принципе вполне сопоставим с комплексами из Мундольсхайма и Аспр-ле-Кор, мы интерпретируем его совсем иначе, причем направление для поиска вновь указывают письменные источники.

Последний из привлекаемых мной здесь примеров происходит также из аварского региона. Речь идет о кладах из Врапа и Эрсеки в Албании, которые были подробно исследованы И. Вернером⁹. Он датирует их последней четвертью VII в. и считает, что входившие в их состав предметы принадлежали сокровищнице аварского кагана на Среднем Дунае. Как сообщают источники, так называемые сермесиане были переселены аварами из северного Иллирика в район Карпат. Позже они решили вернуться на старую родину под предводительством своего вождя Кубера. Аварский каган начал их преследовать, однако был наголову разбит в 680 г., после чего сермесиане отправились дальше и дошли до Пелагонии, т.е. нынешнего района Врапа и Эрсеки. Согласно мнению И. Вернера, во время этих боев сокровищница аварского кагана могла быть захвачена Кубером и перенесена в пелагонско-албанский район. И. Вернер ссылается далее на то, что Карл Великий после победы над аварами в

⁷ Schulze. Das ungarische Kriegergrab... S. 486 ff. Abb. 11–26.

⁸ Frieden U. von. Das Grab eines awarischen Reiters von Moos-Burgstall, Niederbayern // Berichte der Römisch-Germanischer Kommission. 1985. 66. S. 5 ff.

⁹ Werner J. Der Schatzfund von Vrap in Albanien // Studien der Archäologie der Awaren. 1986. 2. S. 7.

795/6 г. также захватил огромные золотые сокровища их кагана¹⁰. Независимо от того, справедлива ли интерпретация И. Вернера в деталях, несомненно, во-первых, что речь идет об аварских кладах, во-вторых, что они были найдены в Албании и, в-третьих, что авары никогда не совершали походов в район Албании.

Я хотел бы ограничиться приведенными примерами из области раннесредневековой археологии. Они показывают, насколько многослойными и разнообразными могут быть интерпретации подобных памятников, причем в каждом случае сообщения письменных источников оказывают огромную помощь при их объяснении и в то же время проясняют, насколько затруднена их интерпретация в тех случаях, когда мы ограничены лишь археологическими данными.

После этого экскурса вернемся к находке из Феттерсфельде и другим скифским памятникам в восточной части Центральной Европы. При этом сразу встает вопрос, как в таком случае следует интерпретировать комплекс из Феттерсфельде. Для того чтобы на него ответить, прежде всего следует подробно рассмотреть известные факты, чего в прошлом практически не делалось. Входящие в состав клада предметы были обнаружены при вспашке. Рядом с ними находились черепки сосуда, благодаря которым уже первооткрыватель предположил, что золотые предметы были первоначально положены в большой глиняный сосуд. Несколькими месяцами позже на месте находки были проведены раскопки, при которых обнаружили многочисленные черепки, остатки глинобитных жилищ, даже остатки очага, однако не было найдено ни костей, ни кострища, которые могли бы указывать на погребение¹¹. В 1921 г. К. Шуххардт возобновил здесь раскопки, которые вновь дали лишь остатки поселения: очаги, глинобитные жилища и позднелужицкую керамику. По этой причине интерпретация находки из Феттерсфельде казалась К. Шуххардту ясной: это клад, зарытый на территории местного, позднелужицкого поселения¹². Все имеющиеся данные однозначно свидетельствовали против его интерпретации как погребения.

Несмотря на это обстоятельству находки клада никогда не уделялось большого внимания, возможно потому, что слишком вдохновляющими были золотые предметы, аналогии которым были известны лишь в богатых курганах южнорусских степей. Это увлечение приводило к безудержному расцвету фантазии. В 1896 г. П. Райнеке занялся изучением скифских древностей Центральной Европы. Большая их часть – коневнические зеркала и трехлопастные наконечники стрел – происходила из венгерской низменности. Однако ему были также известны трехлопастные наконечники стрел, аналогичные найденным в Венгрии и Южной России, но происходящие из крепостного вала лужицкого поселения Нимич, а находку золотых предметов в Феттерсфельде он считал погребением скифского вождя вопреки противоречащим такой интерпретации обстоятельствам находки. П. Райнеке поэтому задавался вопросом, не позволяют ли эти рассеянные скифские предметы догадываться о важных исторических событиях, о которых ничего не сообщают древние авторы¹³.

Тремя годами позже П. Райнеке высказался еще определеннее. Основываясь на находке золотого кольца из Фогельсанга, которое он считал второй после Феттерсфельде важной скифской находкой в Шлезвиге (это предположение в настоящее время более не может считаться сохраняющим силу), Райнеке оставил всякий скепсис. Согласно его мнению, находки из Феттерсфельде и Фогельсанга свидетельствуют по меньшей мере о краткосрочном проникновении скифов с востока, из Южной России и Галиции, сравнимом с позднейшим вторжением монголов в Шлезвиг¹⁴.

Тем самым лед был сломан, и скифское вторжение в область восточнонемецкопольской лужицкой культуры с тех пор считалось историческим фактом, который необходимо лишь иллюстрировать с помощью археологических находок, но не

¹⁰ Ibid. S. 68. Anm. 186.

¹¹ Krause E. Fundstelle der Vetersfelder Goldsachen // Zeitschrift für Ethnologie. 1883. 15. S. 488 ff.

¹² Schuchhardt C. Vorgeschichte von Deutschland. München–Berlin, 1939. S. 232.

¹³ Reinecke P. Die skythischen Altertümer im mittleren Europa // Zeitschrift für Ethnologie. 1896. 28. S. 1 ff.

¹⁴ Reinecke P. Der Goldring von Vogelsang // Schlesiens Vorzeit. 1899. 7. S. 335 ff.

подтверждать, и тем более не доказывать. В 20-е и 30-е годы немецкие, польские и чехословацкие ученые с большим пылом начали собирать все то, что казалось чужим в местной культурной среде и находило параллели, даже отдаленные, в Южной России. Согласно М. Яну, «находки не могут яснее отражать военный характер скифского вторжения... в самом деле эти немногочисленные находки поднимают перед нами завесу, закрывающую группу народов, которая играла очень большую роль и о которой не сообщают никакие письменные источники»¹⁵.

Вскоре в скифском вторжении стали видеть также причину падения лужицкой культуры. Так, В. Нойгебауер писал в 1933 г.: «Если даже самые большие городища пали жертвой скифского набега, то его опустошительное влияние на неукрепленные поселения равнины не может быть переоценено. Население лужицкой культуры... никогда больше не оправилось от этого удара... и поггло»¹⁶. Впрочем, уже тогда такие высказывания вызывали возражения, причем показательно, что в гораздо меньшей мере у археологов, чем у историков и этнографов. Выводы, основанные на относительно немногочисленных предметах, обстоятельства находки которых к тому же по большей части неизвестны, казались слишком смелыми. Представление о том, что носители лужицкой культуры были уничтожены скифским вторжением, противоречило, кроме того, всем историческим и этнографическим данным относительно влияния вторжений конных кочевников на местное население.

В польской литературе, однако, этот взгляд на вещи до сих пор существует в том же виде. Согласно ему, первая волна скифов вторглась в начале VI в. до н.э. в Трансильванию. Во время второго вторжения около 500 г. до н.э. (время Феттерсфельде) скифы якобы достигли Карпатского бассейна и разрушили там гальштатские городища вдоль восточного склона Альп. Наконец, затем они продвинулись через Моравские ворота в Шлезвиг¹⁷.

Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что основные опорные пункты этой теории совершенно не выдерживают критики. Во-первых, большая часть находок скифского облика с востока Центральной Европы не может быть надежно датирована сама по себе за недостатком сведений об обстоятельствах этих находок, за которыми не велось достаточно тщательного наблюдения. Во-вторых, там, где такая датировка возможна, мы приходим к совершенно иным результатам. В качестве примера приведу укрепленное поселение гальштатской эпохи Смоленице-Мольпир в Западной Словакии в районе к северу от Братиславы. Речь идет об одном из немногих памятников, раскопанных по современной методике, что позволяет судить о нем достаточно уверенно¹⁸. Согласно З. Буковски, это городище было разрушено скифами. Поскольку они, как указывалось, по его мнению достигли Карпатского бассейна лишь около 500 г. до н.э., то и конец существования этого памятника должен приходиться на то же время. При идентификации разрушителей и определении времени этого события главным аргументом служили трехлопастные наконечники стрел, которые были там найдены и которые, как считалось, в эпоху около 500 г. до н.э. могли использоваться лишь скифами¹⁹. Однако исследование обнаруженного в Смоленице материала показывает, что этот памятник мог быть заселен только в конце периода *Ha C* и в начале периода *Ha D*, т.е. в конце VII – примерно до рубежа VII–VI вв. до н.э. Наконечники стрел также относятся к этому времени. Следовательно, это

¹⁵ Jahn M. Die Skythen in Schlesien // Ibid. 1928. N.F. 9. S. 11 ff.

¹⁶ Neugebauer W. Skythische Funde aus der Niederlausitz // Niederlausitzer Mitteilungen. 1933. 21. S. 80 ff.

¹⁷ Bukowski Z. The Scythian Influence in the Area of Lusatian Culture. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1977; Chochorowski J. Die Vekerzug-Kultur. Fragen ihrer Genese und Chronologie // Acta Archaeologica Carpathica. 1984. S. 99 ff.; *idem*. Die Vekerzug-Kultur. Charakteristik der Funde // Prace Archeologiczne. 36. Warszawa-Kraków, 1985; *idem*. Die Rolle der Vekerzug-Kultur (VK) im Rahmen der skythischen Einfälle im Mitteleuropa // Prähistorische Zeitschrift. 1985. 60 S. 204 ff.

¹⁸ Dusek M. und S. Smolenice-Molpír Befestigter Fürstensitz der Hallstattzeit I // Mat. Arch. Slovaca. 6. Nitra, 1984.

¹⁹ Bukowski. Op. cit. S. 255 ff.

поселение погребено примерно на сто лет раньше, чем думал З. Буковски²⁰. Кроме того, трехлопастные наконечники стрел использовались не только нападающими, но и принадлежали к стандартному вооружению защитников: во всех домах, расположенных поблизости от оборонительной стены, они в большом количестве лежали на полах. Недавно в Смоленице была найдена даже литейная форма для такого оружия. Это доказывает, что оно не только было известно в восточной части гальштатской культуры, но даже и производилось там. Следовательно, вопрос о том, кто разрушил Смоленицу, вновь становится открытым. Во всяком случае, предположение о том, что это сделали скифы, ни на чем не основано.

То же верно и для всех остальных укрепленных поселений в восточноальпийско-моравско-шлезвигском регионе, которые гибнут в это время. Трехлопастные наконечники стрел были широко распространены как во времени, так и в пространстве²¹. Вне всякого сомнения, этот тип наконечников имеет степное происхождение, однако затем он быстро и широко распространился по всему Средиземноморью. Такие стрелы должны были попасть в области к северу от Альп как раз с юга, по важным гальштатским торговым путям через долину Роны и вдоль Восточных Альп. Кроме того, разумеется, для памятников восточногальштатского круга и лужицкой группы следует считать вполне вероятным и прямое заимствование из областей, граничащих с ними на востоке. Наконечники стрел этого типа появляются, как показывает Смоленица, в конце VII в. до н.э. и остаются широко распространенными до времени около 500 г. до н.э., а затем вытесняются наконечниками более поздней разновидности без втулки, с прямо обрезанным основанием.

В качестве примера укрепленных поселений приведу городище Вицина²², разрушенное около 500 г. до н.э. С одной стороны, оно относительно хорошо исследовано, тогда как для других памятников мы располагаем лишь набором находок. С другой стороны, это поселение, расположенное в нынешней польской части Нидерлаузица, находится на расстоянии лишь нескольких километров от Феттерсфельде. Это поселение поздней лужицкой культуры гибнет в пожаре. Частично сожженные или изувеченные трупы мужчин, женщин и детей свидетельствуют о насильственной смерти. Гибель поселения можно датировать около 500 г. до н.э. благодаря двум кладам украшений, сокрытым незадолго до катастрофы, очевидно, в последний момент перед гибелью, и другим отдельным находкам на поселении. Найденные здесь наконечники стрел ничем не отличаются от примерно на сто лет более древних наконечников из Смоленице. Польские исследователи считают ответственными за эту бойню скифских всадников именно из-за находки здесь тех же трехлопастных наконечников. Кажется, что и близость Феттерсфельде свидетельствует в пользу этой интерпретации, если все же считать эту находку погребением скифского вождя. Однако многие исследователи, прежде всего Вернер Кобленц²³, уже многократно указывали на то, что лужицкие городища не раз подвергались сожжению и разрушению в самые разные эпохи начиная с бронзового века, хотя это никак не было связано с вторжениями групп степных кочевников.

Другие памятники, как, например, пещеру Бычи Скала, находящуюся к северу от Брюнна в моравском карсте, также пытались подогнать к представлению об опустошительных для всего региона скифских набегах. Недавно проведенный анализ

²⁰ Parzinger H., Stegmann-Rajtár S. Smolenice-Molpír und der Beginn skythischer Sachkultur in der Südwestslowakei // *Prähistorische Zeitschrift*. 1988. 63. S. 164 ff.

²¹ Kleemann O. Die dreiflügeligen Pfeilspitzen in Frankreich // *Akad. der Wiss. u. Litt. Mainz. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaften*. Kl. 4. Wiesbaden, 1954.

²² Kołodziejcki A. Gzy problem scytyjski rozwiązany? // *Z Otchłani Wieków*. 1970. 36 S. 5 ff.; *idem*. Badania zespołu osadniczego ludności kultury łużyckiej z okresu późnohalsztackiego w Wicinie, powiat Lubsko w latach 1966–1969 // *Sprawoznaństwo Archeologiczne*. 1971. 23. S. 93 ff.

²³ Coblenz W. Ur- und frühgeschichtliche Wall- und Wehranlagen Sachsens // *Wissenschaftlichen Annale*. 1955. 4. S. 414; *idem*. Die Ausgrabungen auf dem Burgwall von Nieder-Neundorf // *Arbeits- und Forschungsberichte der Sächsischen Bodendenkmalpflege*. 1963. 11/12. S. 58.

находок и самого памятника показал, однако, что речь здесь идет о пещерном святилище, какие были совсем не редки в гальштаттскую, а также и более раннюю, эпохи (достаточно упомянуть пещеры Флиген в триестском карсте или Киффхойзер в Центральной Германии) и всегда были связаны с человеческими жертвоприношениями. Антропологический анализ обнаруженного костного материала показал, что около 40 человек, мужчин и женщин разного возраста, а также дети и разнообразные животные, были здесь расчленены в соответствии с определенными правилами при совершении жертвоприношений. То же было сделано и с повозками, одеждой, сосудами из глины и бронзовых пластин, оружием, различными орудиями и т.д.²⁴ При этом здесь были обнаружены также трехлопастные стрелы и один костяной псалий скифского типа. Возможно, именно эти находки побудили некоторых исследователей предполагать, что двор и вся свита некоего восточноальпийского гальштаттского вождя укрылись в этой пещере от наступающих скифов, но беглецы были все же там перебиты кочевниками или погребены под обрушившимся сводом пещеры, поскольку она была в то время доступна лишь через узкую лазейку.

В любом случае ясно, что безоговорочно приписывать разрушение Смоленице или Вицины скифам было бы опрометчиво, но это исторически маловероятное предположение остается все же возможным, хотя его трудно доказать. В то же время предлагавшееся толкование пещеры Бычи Скала как убежища некоего княжеского двора наверняка ошибочно.

Теперь попытаемся выяснить, насколько скифский, или, нейтральнее, кочевнический материал был вообще распространен в культурах Центральной Европы раннего железного века. Исследователи часто наносили на карту находки трехлопастных наконечников стрел, скифских кинжалов (так называемых акинаков), железных секир, которые также выводились с востока, деталей конской сбруи северопонтийского типа и т.д., соединяли между собой эти места находок и восстанавливали таким образом направления ударов скифских вторжений²⁵. При этом, однако, совершенно не обращалось внимания на то, что в тех случаях, когда обстоятельства находки этих предметов известны, они всегда найдены в погребениях местного населения. В качестве примера приведу погребение из Брожека (Шойно): в его инвентарь входили пронизи для ремня с рогами бараньими или птичьими головками²⁶. Этот тип пронизей широко распространен на востоке до Волги и на Иранском нагорье²⁷. Однако в Брожеке эти предметы были обнаружены в трупосожжении лужицкой культуры. Какой же скифский воин, погибший при набеге в область этой культуры, мог бы быть там сожжен по лужицкому обряду и похоронен с биллендорфскими горшками? Положение было бы иным, если бы в области лужицкой или гальштаттской культур имелись захоронения скифских воинов. Однако их нет, а находка в Феттерсфельде – вовсе не погребение.

Для скифов такое доказательство возможно лишь в Малой Азии. Нам известно из Геродота, что скифы вторглись в Анатолию вслед за киммерийцами. Сначала они овладели нагорьями Ирана, затем совершили грабительские походы через Сирию и Палестину до границ Египта (630–625 гг. до н.э.), где Псамметиху удалось их отразить. Затем они вновь повернули на север, опустошили часть Центральной и Восточной Анатолии и, наконец, после конца правления Русы II уничтожили Урартское царство (между 625 и 585 гг. до н.э.). В самом деле, в отличие от областей между Вислой и Одером, скифские походы в Анатолии засвидетельствованы письменными источниками, большая часть которых относится к VII в. до н.э. Так же как в районе лужицкой культуры, к востоку от Галиса известны находки отдельных

²⁴ Parzinger H., Nekvasil J., Barth F.-E. Die Býči skála-Höhle // Römisch-Germanische Forschungen. 54 (в печати).

²⁵ См. прим. 18.

²⁶ Raddatz K. Ein skythischer Fund aus Scheuno, Kr. Sorau // Germania. 1951. 29. S. 190 ff.

²⁷ Kossack G. Tli Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des skythenzeitlichen Formenkreises im Kaukasus // Beiträge für Allgemeine und Vergleichende Archäologie. 1983. 5. S. 89 ff., 180. Karte 2.

предметов скифского происхождения, которые часто связаны со слоями разрушения урартских крепостей: Кармир-Блур (Тейшебаини), Топрак-кале (Русахинили), Чавуштепе (Сардурихинили), Бастам (Rusai URU. TUR) и др.²⁸

Казалось бы, что может быть естественнее, чем видеть здесь археологическое отражение этих скифских походов. Однако историческая интерпретация этих находок ничуть не менее проблематична, чем в области лужицкой культуры, поскольку там, где больше источников, историческая ситуация также оказывается сложнее. В самом деле, в VII в. до н.э. на Урарту нападали далеко не только скифы: это были и киммерийцы, и ассирийцы, а в конце концов мидийцы, взяв древнюю урартскую столицу Тушпу, нанесли царству смертельный удар. Учитывая эту сложность ситуации и относительно быструю смену событий, было бы слишком смело приписывать скифским нашествиям все слои разрушения названных урартских крепостей, которые невозможно датировать столь точно по находкам. Поэтому Стефан Кролль с полным основанием оставил открытым вопрос об идентификации врагов, разрушивших расположенную в Западном Иране крепость Бастам²⁹.

Однако в Анатолии наряду с историческими свидетельствами имеется несомненное археологическое доказательство присутствия скифских всадников. Х. Хауптманн обнаружил на Норшун-тепе два захоронения³⁰. В одном находились остатки человеческого скелета, наконечники стрел, железный топор и остатки чешуйчатого панциря. Рядом, в склепе из сырцового кирпича он обнаружил трех убитых коней с уздой скифского облика, включавшей две пронизи с рогатыми птичьими головками вроде уже упоминавшихся предметов из лужицкого трупосожжения в Брожеке. Однако, если там был похоронен местный житель, в Норшун-тепе, вне всякого сомнения, речь идет о погребении скифского всадника и его коней, относящемся ко времени не позднее середины VII в. до н.э.

Необходимо упомянуть в этой связи и погребение из Имирлера близ Амасьи у южного склона Понтийских гор. Конская узда позволяет связать его с ранними келермесскими захоронениями (удила со стремечковидными окончаниями). Железный клевец с бронзовой втулкой и прежде всего длинный меч в форме акинака указывают при этом скорее на район к востоку от Волги, так что здесь речь может идти о сакском или савроматском воине, попавшем в Малую Азию вместе со скифами³¹.

Таким образом, даже в Анатолии не так легко найти археологические свидетельства скифских вторжений, особенно в том, что касается интерпретации слоев разрушения урартских крепостей, которые с тем же успехом могут быть связаны с походами киммерийцев, ассирийцев или мидийцев. Соответственно несравненно труднее истолковать находки на лужицких городищах. Для Малой Азии имеются хотя бы свидетельства письменных источников, а также настоящие кочевнические погребения конных воинов. Состояние источников в данном случае, следовательно, сравнимо скорее с тем, которое в Центральной Европе имеется для гуннов и мадьяр.

Однако, если невозможно доказать существование скифских походов в Центральную Европу, как можно объяснить находки там предметов скифского облика?

Уже в конце VIII – начале VII в. до н.э. в восточную часть Карпатского бассейна и в Трансильванию проникли группы населения с матеральной культурой северо-понтийского облика, которые постепенно начали менять основу культуры полей погребений позднего этапа. Результатом стали так называемые предскифские некрополи группы Мезэчат³². В течение VI в. до н.э. этот район был, однако, занят

²⁸ Hauptmann H. Neue Funde eurasischer Steppennomaden in Kleinasien // Beiträge zur Altertumskunde Kleinasien / Festschrift K. Bittel. Mainz, 1983. S. 251 ff.

²⁹ Ibid. S. 251; Kroll S. Bastam. I // Teheraner Forschungen. 4. B., 1979. S. 100. Anm. 11.

³⁰ Hauptmann. Op. cit. S. 252 f.

³¹ Ünal V. Zwei Gräber eurasischer Reiternomaden im nördlichen Zentralanatolien // Beiträge für Allgemeine und Vergleichende Archäologie. 1982. 4. S. 62 ff.

³² Patek E. Präskythische Gräberfelder in Ostungarn // Symposium zu Problemen der jüngeren Hallstattzeit im Mitteleuropa. Smolenice 1970. Bratislava, 1974. S. 311 ff.

подвергшейся сильному скифскому влиянию культурой Векерцуг, западные варианты которой распростирались до Западной Словакии и почти достигали восточного края Альп. Трансильванскую группу культуры Векерцуг часто связывают с агафирсами, о которых Геродот сообщает, что они живут в области, где находятся истоки реки Марис (совр. Марош). Одновременно с этим восточнолужицкие группы Карпатского бассейна (группы Высоко и Тарнобржег), распространенные в междуречье верхней Вислы, Буга и Саны, т.е. уже в непосредственном соседстве с областью степных кочевников, также попадают под усилившееся скифское влияние, что легко заметить в их материальной культуре³³.

В результате этих изменений в течение VII в. до н.э. восточные группы гальштатской и лужицкой культур вошли в более тесный и непосредственный, чем в предыдущие столетия, контакт с кочевым населением. Следствием этого были различные заимствования у новых соседей. Однако не были заимствованы составные луки, что, вероятно, связано со сложностью их изготовления. Зона их распространения, как и чешуйчатых панцирей, зооморфных обкладок щитов, крестовидных обкладок колчанов, кочевнических зеркал и т.п. осталась ограничена культурой Векерцуг в восточной части Карпатского бассейна. Напротив, некоторые новшества в сфере вооружения и конской узды были восприняты на западе, причем при заимствовании таких предметов отмечаются заметные региональные различия. Так, погребения с конской уздой скифского облика встречаются прежде всего в Сербии, Боснии и Словении. Захоронения с железными топорами концентрируются, напротив, в зоне лужицкой культуры между Вартой и Нейсе, тогда как понтийские ушные кольца были заимствованы только восточными лужицкими группами. Таким образом, объекты для заимствования выбирались сознательно и, видимо, зависели от каждой культурной системы или особенностей погребального обряда³⁴.

Наконец, следует задаться вопросом, кто заимствовал названные кочевнические элементы. В лужицкой области на этот вопрос трудно ответить, поскольку могилы здесь, как правило, устроены просто и среди них практически невозможно выделить «бедные» и «богатые». В восточной части гальштатского региона, включая Боснию и Сербию, дело обстоит иначе, поскольку там представителей верхушки общества хоронили в роскошных погребениях. Действительно, именно эти богатые захоронения, как правило, и содержат скифскую конскую узду; изредка их сопровождают и конские погребения, характерные для погребального ритуала степных кочевников³⁵.

Трудно сказать, оказывали ли влияние кочевые группы Карпатского бассейна и на территории, лежащие еще дальше к западу. Трехлопастные наконечники стрел, например, найденные в Хойнебурге, в этом отношении бесполезны. Людвиг Паули считает роги для питья, найденные в богатом позднегальштатском погребении в Ходдорфе к северу от Штутгарта, результатом восточного, кочевнического влияния³⁶. На то же направление заимствования могут указывать и обнаруженные там фрагменты тканей из волокон конопли. Зона естественного распространения конопли (*Cannabis*) простирается от Восточной Азии до Черного моря, причем Китай считается страной древнейшей культуры конопли. Письменные источники и находки в погребениях свидетельствуют о ее распространенности в более позднее время у скифов, которые использовали коноплю для изготовления волокна и в качестве наркотического вещества³⁷.

Передать кочевнические элементы культуры в области, лежащие далее к западу, было возможно только через многочисленных посредников; то, что при этом археологические свидетельства такого заимствования, например в Юго-Западной Германии,

³³ См. прим. 18.

³⁴ Parzinger. Vetersfelde... S. 222 ff. Abb. 4.

³⁵ Ibid. S. 222 ff.

³⁶ Pauli L. Zu Gast bei einem keltischen Fürsten // MAGW. 1988/89. 118/119. S. 291 ff., 299 ff.

³⁷ Körber-Grohne U., Küster H. Hochdorf I // Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte. Baden-Württemberg. 19. Stuttgart, 1985. S. 102–107.

весьма скудны, не должно удивлять. Однако и здесь, как и в областях, лежащих ближе к зоне распространения кочевнической культуры, в первую очередь именно верхушка общества перенимала восточные элементы. Однако, если в областях, граничных с миром степных кочевников (область лужицкой культуры, восточноальпийский регион и западные Балканы), воинская прослойка, заимствовавшая новшества в сфере военного дела и всадничества, была достаточно значительна, далее к западу, очевидно, лишь отдельные люди приобретали курьезные раритеты с Востока в точности так же, как изделия греческих или этрусских мастерских, чтобы с их помощью подчеркивать свой ранг как при жизни, так и после смерти.

В начале настоящей работы о толковании кочевнических находок и памятников в восточной части Центральной Европы были приведены примеры подобных находок эпохи раннего средневековья, исторический контекст которых относительно хорошо известен. Затем мы рассмотрели скифский материал в сравнении с мадьярскими, аварскими и гуннскими находками. Даже если в вопросе о доказуемости археологическими методами историчности вторжений степных кочевников удастся определить некоторые общие основные предпосылки, которые должны существовать для того, чтобы можно было давать историческую интерпретацию археологическим находкам, ясно все же, что мы не можем безоговорочно уравнивать влияние венгров, гуннов или скифов на Центральную Европу. В каждом случае необходимо учитывать конкретную историческую ситуацию. Решающим обстоятельством для ее сложения было состояние тех культур, с которыми кочевники входили в контакт. Если взять, например, передвижения венгров, то они представляли собой прежде всего военную проблему, которая в конце концов была решена после их поражения в Лехфельде, принесения вассальной клятвы Отгону I и христианизации. Влияние гуннов, подробно описанное Вернером, осталось, напротив, единичным, что, очевидно, связано с тем, что они в первой половине V в. столкнулись с миром, находившимся на переломе. Напротив, скифы в восточной части Центральной Европы вошли в контакт с населением, имевшим весьма стабильные культурные связи, причем у них были заимствованы лишь новшества, связанные с оружием и всадничеством. Существование лужицкой культуры, словенских и боснийско-сербских гальштаттских групп не было прервано, и они не испытали серьезного скифского влияния в своем последующем развитии*.

Г. Парцингер

STEPPE NOMADS IN THE EAST OF CENTRAL EUROPE. FINDS
AND MONUMENTS IN THE LIGHT OF COMPARATIVE
ARCHAEOLOGY

H. Parzinger

The article is devoted to the interpretation of the archaeological monuments of Central Europe containing elements of nomadic armaments and decorations. On the basis of the archaeological finds from the early-medieval burials in Mundolsheim near Strasburg, Aspres-les-Corps in the Western part of the French Alps, Moos-Burgstall in Bavaria and from the treasures in Vrap and Erseke in Albania, the author concludes that their interpretations could be multi-layered and diverse. In the absence of written monuments the task is further complicated, for they are of great assistance to researchers. That is why he considers erroneous the interpretations of the finds near Veltersfelde in Niederlausitz and of a number of archaeological monuments of the Lausitzer Kultur containing three-bladed arrowheads, elements of horse harness and Scythian-type ornaments as a proof of the Scythian invasion in Central Europe which led to the destruction of the Hallstattzeit fortified towns and the ruin of the Lausitzer settlements in the VI – early V c. B.C. Thus there is no sufficient reason to attribute to the Scythians the destruction of the Hallstattzeit settlement Smolenice–Molpir in Slovakia or the Lausitzer fortified town Wicina excavated in

* Перевод А.И. Иванчика.

accordance with the contemporary methods. And the recent examination of Býči Scála makes it possible to regard it as a cave sanctuary with ritual burials.

Touching upon the spread of nomadic materials in Central European cultures, the author points out that by the late VII c. B.C. three-bladed arrowheads had been widely spread in the whole Mediterranean area; Scythian armaments have been found in burials of the local population (Brožek burial), but there are no Scythian burials there. However even in Asia Minor where such burials (Noršuntepe) have been discovered and there is written evidence of Scythian invasions, the interpretations of the archaeological material meets with difficulties.

The existence of Scythian-looking objects in Central Europe can be accounted for by the fact that in the VII c. B.C. the eastern groups of the Hallsatatt and Lausitzer cultures came into close contact with the nomadic population of the Pontic Steppes borrowing some innovative armaments and elements of horse harness. The spread of nomadic elements of culture farther to the West was possible only through numerous intermediaries. One should not equalize the influence of the Hungarians, the Huns and the Scythians on Central Europe. The specific historical situation should be taken into account. The existence of the Lausitzer Kultur, Slovenian and Bosnian-Serbian Hallstatt-Gruppen was not interrupted, nor did they feel a considerable Scythian influence in their subsequent development.

Древние империи *(Новые подходы к изучению древних империй Запада и Востока)*

© 1998 г.

СТРУКТУРА ДЕРЖАВЫ МАУРЬЕВ ПО СВЕДЕНИЯМ ЭДИКТОВ АШОКИ

Маурийская держава, просуществовавшая лишь немногим более двух веков, заняла особое место в истории Индии, став по существу символом ее единства. Совсем не случайно, что современный герб страны сохраняет изображение памятника эпохи – «львиной» капители колонны из Сарнатха, на которой сохранилась надпись, высеченная по приказу знаменитого Ашоки, наиболее известного царя этой династии.

Важность эпохи Маурьев обычно определяется в историографии существованием именно в это время наиболее крупной в древности и средневековье державы, включившей большую часть территорий современных Индии и Пакистана, ряд иных областей. Эпоха эта рассматривается в исследованиях как период максимального проявления центристских тенденций, приведших к созданию огромной «империи»¹. Она по существу делит всю историю домусульманской Индии на два этапа – складывание централизованного бюрократического государства и постепенное его разложение, переход к децентрализованной структуре феодального типа.

Образ державы Маурьев в историографии нередко представляется и как своеобразный эталон государственного устройства², приобретает идеологические черты. Не так давно были весьма популярны попытки показать «эффективность и всепроникающий характер» маурийской бюрократии³ (основанные, правда, прежде всего на соответствующем истолковании свидетельств «Артхашастры» Каутильи). Они отражали и стремление подчеркнуть закономерность существования современных форм бюрократического управления, присущих Индии, по мнению авторов, еще в глубокой древ-

¹ См., например: Шарма Р.Ш. Древнеиндийское общество // *A Comprehensive History of India*. V. 2. Calcutta, 1957; Ruben W. Die Entwicklung von Staat und Recht im Alten Indien. B., 1968.

² См., например: Sastri N. Age of Nandas and Mauryas. Banaras, 1952; Banerjee P.N. Public Administration in Ancient India. Delhi, 1973; Puri B.N. History of Indian Administration. V. 1. Bombay, 1968.

³ См., например: Dikshitar V.R. The Mauryan Policy. Madras, 1953; Jayaswal K.P. Hindu Policy. Bangalore, 1955.